

Н. В. ЭЙЛЬБАРТ

**Кандидатура Ивана Грозного
на трон Речи Посполитой в польских политических
памфлетах времён первой «вольной элекции»
(1572–1574 гг.)**

После смерти последнего польского короля из династии Ягеллонов Сигизмунда Августа, последовавшей 7 июля 1572 года, дворянство Речи Посполитой вследствие специфики политического устройства своего государства оказалось перед весьма сложным выбором: «вольная элекция», то есть выборы нового государя, становилась тем краеугольным камнем, который лег бы в основу последующей политики польско-литовской правящей элиты. Быть с Востоком или с Западом, кого иметь врагом, а кого союзником, — эти вопросы тревожили граждан Речи Посполитой и немалое число их склонялось в пользу единения с Москвой против австрийских Габсбургов и Турции. Эти политические симпатии, как, впрочем, и антипатии, отразились в многочисленных политических памфлетах, пасквилях, листовках, поэтических «песнях» и «одах». Кроме них издавались и пропагандистские плакаты, некоторые из которых дошли до наших дней (как, например, хранящийся в государственном архиве в Дрездене плакат, напечатанный после избрания королем Батория). Вышеупомянутые источники сохранились довольно плохо: до нас доходят свидетельства о сотнях и тысячах экземпляров подобной продукции, однако едва ли несколько десятков текстов имеется сегодня в нашем распоряжении для изучения. Однако же и эти сохранившиеся тексты говорят о немалой симпатии и надеждах, которые часть польско-литовского общества связывала с русским кандидатом на польский трон.

К сожалению, польская историография довольно претенциозно рассматривала и продолжает рассматривать вопрос о возможности избрания «Московского» королем Речи Посполитой, являя собой пример чрезмерной политизированности исторических исследований. Явление это имеет традицию, уходящую своими корнями во времена разделов Речи Посполитой. Например, вышедшее в 1790 году краткое исследование Ф. Езерского «О бескорольях в Польше и о выборах королей» даже не упоминает русских кандидатов на трон во второй половине XVI века, что, вероятно, связано было с политической ориентацией автора в период разделов Речи Посполитой [Jezierski, 1790]. Опираясь на исследования начала XX века [Tyszkowski, 1928], современные польские историки характеризуют проект выборов русского царя королем Речи Посполитой с последующей личной унией обоих противоборствующих сторон «литовским проектом», «утопичным по многим пунктам» [Nagielski, 2013]. «Чрезмерно уверенный в себе Иван IV сам свел на нет московскую кандидатуру, — пишет современный польский исследователь М. Серваньский. — Ее сторонники не имели ни единого шанса на успех. Выгоду от этого выбора видели только в том, что “понимает язык” и при нем был бы обеспечен мир с Москвой. Его претензии на трон исключали различные опасения: возобновление войн на многочисленных фронтах, включая конфликты на море, тираническое правление, бесправное и притом жестокое, но прежде всего “позор и вечная срамота наша”» [Serwański, s. 104]. К сожалению, как уже отмечалось выше, противные свидетельства, и прежде всего политическая публицистика того времени, говорящая в пользу тех многочисленных выгод, которые усматривало польско-литовское дворянство в выборе «Московского», здесь полностью отрицается. Более того, например, в докторской диссертации польского историка П. Каштеляна «Польско-московские дипломатические отношения на рубеже XVI–XVII веков», защищенной в Познанском университете в 2014 году, автор вовсе отменяет источники в виде политических брошюр, памфлетов, пасквилей и пр., называя их «несущественными и не отражающими действительность» [Kasztelan, s. 151], однако, по-видимому, они просто не согласуются с выдвинутой им концепцией непопулярности русского кандидата, тогда как публицистика свидетельствует об обратном и раскрывает много граней польского видения этой проблемы в то время. Изучение данных источников привело нас к выводу, что те же призывы к выбору «Московского» и те же доказательства выгоды этого выбора

для Речи Посполитой плавно переключались из памфлетов «первого бескоролья» в последующие «элекции», чего не произошло бы при активном осуждении подобной пропаганды в польском обществе. Однако и здесь П. Каштелян продолжает игнорировать этот пласт источников и считает, что попытки Федора Ивановича быть избранным польским королем заранее были обречены на провал, а российские историки якобы «приписывают» ему «слишком большие шансы на занятие трона Речи Посполитой» [Kasztelan, s. 134]. Явно претенциозный анализ политической ситуации с кандидатами на трон Речи Посполитой в первые три «бескоролья» соседствуют в польской историографии с замалчиванием фактов. Например, исследователь Т. Кемпа, описывая миссию известного литовского посольства М. Гарабурды к Ивану Грозному, объясняет его цель необходимостью продления мира: «Наиважнейшей целью литовского посольства Михаила Гарабурды было продление перемирия в войне с Москвой (его срок истекал в конце июня 1573 года), что для Литвы во время бескоролья имело ключевое значение» [Kempa, s. 119], вовсе умалчивая о высказанных посольством предложениях царю быть избранным на польский трон.

Если анализировать российскую историографию, затрагивающую тему русско-польской унии и характеристику Грозного в качестве кандидата на польский трон, то она выглядит несравнимо более соответствующей принципам объективности и историзма, хотя и не выделяется большим числом работ. Фундаментальное и на наш взгляд до сих пор непревзойденное исследование Б. Н. Флори «Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.» [Флоря, 1973] впервые дает подробный анализ предшествующей польской историографии XIX–XX вв., посвященной вопросам русско-польской унии и первых «вольных элекций». Кроме того, в этом же издании вводятся в российский научный оборот некоторые польские политические памфлеты, свидетельствующие о поддержке московского кандидата некоторой частью польско-литовского общества. В одной из работ историка К. Ю. Ерусалимского [Ерусалимский, 2008] совершенно справедливо отмечается нежелание царя предложить кого-либо из своих сыновей на вакантный польский престол после смерти Сигизмунда Августа и стремление Ивана Грозного занять его самому. Из этого автор выводит нарастание антимосковской пропаганды в Польше, подкрепляя этот тезис перепиской литовских магнатов О. Воловича и Н. Радзивилла еще в 1570 году. Однако мы позволим себе с данным тезисом не согласиться: наряду с анти-

московской пропагандой нарастала и пропаганда промосковская, о чем свидетельствуют проанализированные ниже памфлеты. Кроме того, если магнаты жаждали расширения своих прав и привилегий, как можно более независимого от монарха положения, то в противоположность им шляхта истосковалась по «сильной руке», которая защитила бы их от беспредела, творимого знатнейшими сенаторскими родами. Эту часть польско-литовских выборщиков не только не смущала тирания Ивана, но они находили в ней гарантию сохранения их имущества, о чем также писали памфлетисты.

Перейдем теперь к основной части нашего исследования, то есть анализу политической публицистики времен первого «бескоролья». Ситуация еще до смерти последнего Ягеллона была напряженной: в польском обществе витал дух тревоги, «конца Речи Посполитой», широкое хождение получило произведение Я. Кохановского «Предсказания», где приведены были довольно мрачные прогнозы на будущее, отразившиеся затем в знаменитой поговорке «Strachy na Lachy» (ужас напал на ляхов). Уже в первые недели после смерти короля обозначились основные претенденты на вакантный трон: помимо «Московского» за него боролись французский принц Генрих Валуа, австрийский эрцгерцог Эрнест Габсбург, шведский король Юхан III и «потомки Пястов», среди которых наибольшие шансы имели краковский воевода и великий коронный маршалок Ян Фирлей, и великий коронный гетман Юрий Язловецкий. Первая в истории Речи Посполитой «вольная элекция» послужила своего рода катализатором для выражения польского общественного мнения через политическую литературу, и бурному расцвету политической поэзии. Несмотря на провозглашаемую шляхетскую демократию, агитировать за того или иного кандидата было небезопасно, и это признается польскими авторами. Исследователь Я. Буланда, в частности, отмечал: «Не все было безопасно писать, потому что не все позволялось в условиях этой шляхетской вольности! Из разных распространяемых во время этих выборов политических писем, написанных в стихах и в прозе, всего лишь несколько авторов осмелилось подписать свои фамилии: это Тесельский*, Мычельский и Волан. За безымянно напечатанную брошюру под названием “Рассуждение” маршалок Фирлей перед коронацией Генриха бросил в тюрьму хозяина типографии. Только после

* Анджей Тесельский — польский памфлетист XVI века. — *Прим. составитель.*

этого в авторстве этой брошюры признался Соликовский» [Bulanda, s. 13–14]. Ян Соликовский, священник и секретарь покойного Сигизмунда Августа, написал и опубликовал более ста произведений, обращенных к своим соотечественникам, направленных на прославление принца Генриха, однако после бегства последнего из Польши опасался за свою жизнь, разочаровав проголосовавших за француза депутатов. Нужно понимать, что резко высказывавшиеся против того или иного кандидата авторы рисковали не только свободой, но и жизнью, ведь завтра этот кандидат мог стать королем, и чересчур смелому оратору пришлось бы вообще покинуть страну, как это произошло, например, с Анджеем Дудичем, поддерживающим проигравшего австрийского претендента. Нередко один и тот же автор выпускал произведения, ратовавшие за разных кандидатов. Например, Петр Мычельский, протестант, поддерживал и «кандидата Пяста» — то есть «природного» поляка, и «Московского», то есть Ивана Грозного. По нашему мнению, это свидетельствует не о беспринципности авторов и погоне их за наживой, а о желании каким-то образом обезопасить себя в будущем. В целом можно разделить памфлетистов этого периода на три части: ратовавших за соотечественника, за иностранца из католической или протестантской Европы, и за московского царя. Рассмотрим поочередно интересующие нас две группы произведений: «за» и «против» московского кандидата, хотя признаемся, что деление это довольно трудно, ибо само отношение к царю и русскому народу порой противоречиво, и, возможно, преследуя цель объективно представить кандидата, авторы освещают все его плюсы и минусы.

В брошюре авторства «великополянина» Петра Мычельского «Предостережение или картина упадка наших земель, а также и Короны Польской от выбора государя-соотечественника» прежде описываются проблемы предыдущего царствования, фаворитизм, процветающий при дворе Сигизмунда Августа, и пороки его главных любимцев: метрессы Барбары Гижанки и ее покровителей — братьев Мнишек.

Все в прошлом силились пресечь измену:
Гижанки, Мнишков, прочих лицемеров.
А если б взяли мы на царство своего
Еще бы больше стало их вокруг него.
Кто бы хотел пробраться к государю,
Других оклеветал, ходил в фаворе.
А где дела идут таким путем,

К упадку там клонится царство,
Милей чужой тиран, быстрее тогда
С ним дело станет на свои места.
Московский тоже свой: Изменник — стой!
[Czubek, s. 714].

Мычельский таким образом ратует за «сильную руку», восхищаясь тем, что «Московского» боится и немец, и татарин, а с таким государем Речь Посполитая всегда будет в безопасности. Его несколько не пугает столь традиционная для европейского сознания «тирания Московского», вовсе наоборот, только тирания в должной мере карает измену. Следует отметить, что некоторые авторы считали: лучше свой бедный кандидат, чем чужой богач, намекая при этом на продажность сенаторских «мудрых голов», выбирая короля «прыгающим за грошем», продвигая кандидата-иностранца. Вовсе не разоблачая эти мнения, Мычельский как бы «заходит с другой стороны» и говорит о наблевших для шляхты проблемах.

Некоторые прокламации были обращены в целом против «природного поляка» или «Леха», как, например, политическая листовка «Воззвание из Песковой Скалы о королевских выборах», принадлежавшая перу Анджея Волана. В ней прославляется верность австрийского императора католической вере, щедрость французского принца, и весьма своеобразно представлены добродетели Ивана Грозного.

Московский пан хорош, не тиран то строгий,
Государю с добротой не по дороге,
Карать дурного рад, не тронет другого,
Правит степенно, не берет чужого.
Честь там важна, не нужно им злата,
Почтят добродетель, за честность заплатят
[Czubek, s. 32].

И здесь Волан как бы объясняет читателю, что «сильная рука» царя Ивана, который правит самостоятельно и настолько богат, что подкупить его невозможно, вовсе не тирания. В данном случае мы видим ответ на те чаяния, которые присутствовали в польском обществе после длительного царствования Сигизмунда Августа: король известен был обычаем продавать государственные должности, за что современник С. Ожельский* назвал его «королем-купцом».

* Свентослав Ожельский (1549–1598) — польский историк и публицист, автор книги «Бескорольеве в восьми книгах». — *Прим. составителей.*

В анонимном поэтическом произведении «Замечания о королевских выборах» довольно оригинально выписаны добродетели московского кандидата на фоне недостатков «немца» и «француза». Характерно, что те упреки, которые предъявлялись русскому царю и его окружению представителями западной политической культуры вполне могли выставляться и выставлялись этим памфлетистом наоборот, в качестве достоинств, что показывает о большом разбросе политических вкусов польско-литовской шляхты. В данном памфлете русским даются нарицательные названия: «колпаки», «простаки», «юнцы», однако эти прозвища отнюдь не носят презрительного оттенка. «Вольные поляки, лучше нам в кучме пан!» — восклицает автор, имея в виду под «кучмой» опушенную мехом шапку, которую носили в Московском государстве, противопоставляя ее французским и немецким шляпам и беретам. Где простота, там, по его мнению, правда и открытость между государем и подданными. Распространенный в Речи Посполитой тезис о «царе-тиране» автор представляет в свете, по-видимому, весьма симпатичном для общественного мнения и уже использовавшемся другими: «государь “немалованный”», то есть настоящий, не фиктивный, по его мнению, накажет зло, наградит добродетель, защитит страну. Дополнительный плюс кандидатуры «московского» является и то, что он «того же языка» и всегда примет и выслушает страждущего, своей волей защитив его от судебных тяжб.

Дай его, Боже:
Смута утихнет,
А мы, поляне,
Едем за ним
Во сто лошадей! —

восклицает автор, не оставляя читателю никаких сомнений в правильности такого выбора [Czubek, s. 34].

Пожалуй, самым активным и красноречивым пропагандистом выбора Ивана Грозного на трон Речи Посполитой был Анджей Тесельский, в отличие от предыдущих двух авторов писавший политическую прозу [Эйльбарт, 2018]. В брошюре «Мнение о выборах нового короля» он пишет о своем литовском происхождении и о поездке на родину, получая право говорить как бы от имени своих соотечественников, причем отражая, по его словам, их чаяния и надежды. В качестве кандидатов на польско-литовский трон Тесель-

ский предлагает не самого Ивана, а кого-либо из двух его сыновей, считая, что, находясь примерно в одном возрасте, они одинаково хороши для правления и военных походов. Если же выбрать королем Грозного, то, по мнению памфлетиста, огромное государство будет весьма трудно в управлении и станет подобно поздней Римской империи, придя к упадку и гибели. Он считал, что Речи Посполитой выгоднее, чтобы великий князь московский правил в Москве и сдерживал напор татар, полагая притом, что он находится уже в довольно преклонном для войн возрасте (хотя Ивану Грозному в то время было 40 лет, а это для того времени, видимо, считалось уже солидной цифрой). Противоречивые настроения Тесельского в отношении русского кандидата сохраняются и в короткой «листочке из Калиша», написанной в ноябре 1572 года и озаглавленной «Ко всякого чина рыцарству Короны польской, милостивых моих панов и братьев, короткая речь». Его тревожило желание Великого княжества Литовского быть самостоятельным от Польши, поэтому выбор поляка мог окончательно отвратить оба союзных государства друг от друга, и он решительно выступал против «короля-Пяста». Существование Польши и Литвы отдельно друг от друга Тесельский сравнивает с распадом единой Римской империи на Западную и Восточную, что, с его точки зрения, привело бы оба государства к такому же упадку и уничтожению. В качестве «политического противоядия» подобному исходу он вновь обращается к идее избрания одного из сыновей царя Ивана, однако высказывает опасение, что «рожденный от матери татарки» новый король будет все время жить далеко и не заботиться о новых подданных (здесь мы видим, что даже сторонники московского кандидата довольно мало знали о внутрироссийских делах). Вместе с тем Тесельский объясняет своему читателю, что «московский народ то же, что и Русь и то же племя» [Czubek, s. 395], следовательно относится к славянам и близок к полякам.

Тем не менее уже в последующем памфлете под названием «*Sententia de eligendo novo rege ex duce Moschorum*» он идет дальше и вполне допускает выбор королем и самого Ивана Грозного. В отличие от других памфлетистов, он затрагивает практически все негативные аспекты, которые повлек бы за собой выбор «государя от захода солнца», так насмешливо говоря о «западных» кандидатах, называя их «субтильными господами». К таковым «субтильным господам», над которыми культура сарматизма смеялась, противопоставляя этому благородную славянскую дородность, Тесельский относит и «полуитальянца» Сигизмунда Августа, строя свой пропагандистский

текст на противопоставлении ему царя Ивана. Подобное противопоставление было особенно выгодно с психологической точки зрения, ибо подданные, как это обычно случается, устают от особенностей одного длительного правления и болезненно ощущают его недостатки. Тесельский, например, противопоставляет самостоятельность и твердость в принятии решений «Московским» и слабохарактерность и безалаберность Сигизмунда. Равнодушные последнего Ягеллона к военному делу, плохая защита государственных границ противопоставляется им педантичному строительству крепостей и заботе об армии со стороны Грозного, что, по мнению памфлетиста, делает русские дороги безопасными для путешественников. О культурном же различии поляков и русских Тесельский рассуждает следующим образом: «А что говорят “Московский народ грубый”, не видели его, а судят. Не груб тот, кто делает своим много добра, осторожен и никому не кланяется. И также имеет он при дворе своем различных людей, кажется также и лучшее учение. Мы уже имели утонченного государя, и не было от него ни справедливости, ни защиты» [Czubek, s. 361]. С его точки зрения, выбор государя «от захода солнца» чреват и ухудшением экономического положения страны: «самый дешевый польский край» станет так же дорог, как Германия или Италия, ибо торговцы так взвинтят цены, что, если даже товар не купит поляк, его тут же приобретет «господин Ганс или синьор Франсиско» [Czubek, s. 369].

Из наиболее ярких памфлетов, направленных против московского кандидата, следует отметить анонимный «Разговор Леха с Пястом», автор которого призвал к выбору соотечественника и предпочитал «лис соболям». Однако и в нем Грозный удостоился не только осуждения, но и похвалы. В «Разговоре Леха с Пястом» подчеркивается богатство «пана царя московского», ведь стоило ему «только сказать “Ну!”» [Czubek, s. 46], как Полоцк и Смоленск были отторгнуты от польско-литовского государства. Однако, в отличие ото всех «западных» кандидатов, которые прислали на сейм посольства, «гордый москвитянин» прислал только письма, но он «не откажется, если Фортуна даст ему эту корону» [Czubek, s. 48]. Отдельная часть этого произведения озаглавлена «Мнение о Московском», где автор еще более старается усилить страх шляхты перед царем, призывая ее не идти добровольно «под кровавый колпак» «Иванца». Аргументы его довольно просты и понятны: царь никогда не станет соблюдать польских прав и вольностей, поскольку «он сам себе закон». Надежды шляхты на получение русских

земель также напрасны: Грозный имеет своих дворян и князей, и полякам «трудно будет с ними ужиться». «Московский» к тому же презирует «латинян» — автор приводит свидетельство барона С. Герберштейна о том, что царь моет руку после поцелуя иностранными послами, а значит, не будет добрым государем тем, чьей верой брезгует. Описание правления царя Ивана дополнено и ходовыми для европейского общественного мнения стереотипами: он бросает поданных в тюрьму, а затем травит медведями (при этом русское слова «тюрьма» записано в памфлете латинскими буквами (*turma*), вероятно оно и без перевода было хорошо известно шляхте). Автор дополняет негативный образ восточного соседа и историческим примером: женитьбой короля Александра Ягеллончика на Елене Ивановне, дочери Ивана III, в результате которой король «потерпел от народа их великий ущерб». Заканчивает он призывом помочь «литве», «нашим братьям», против Грозного, который может попробовать силой принудить их выбрать его великим князем литовским и таким образом разрушить Речь Посполитую. Остерегает он и перед выбором сына Грозного, ибо «от волка не родится заяц».

Таким образом, становится достаточно ясным, что в первое «бескоролеье» кандидатура Грозного имела серьезную «информационную поддержку», притом что по известным только ему самому соображениям московский царь, похоже, всерьез не думал о польской короне и только тянул время. Поляки хотели дать ему корону на своих условиях, но воспитанный в самодержавной традиции царь Иван желал территорий без всяких условий, надеясь на политическую слабость польско-литовского государства. Эмоциональные дебаты послов, представляющих своих кандидатов на сейме, открывшемся в январе 1573 года, должны были производить большое впечатление на современников. Если сравнивать старания французского посла с тем, что было ему противопоставлено с московской стороны, то можно сказать, что, если бы Иван Васильевич применил хотя бы половину того, что сделали французы, польская корона ему была бы обеспечена. Помимо денежных подарков, французский посол Жан де Монлюк из уважения к полякам произносил многочасовые речи наизусть перед депутатами, оправдывая резню и Варфоломеевскую ночь, и уверял их, что принц Генрих не имел к ней никакого отношения и является в религиозном отношении толерантным человеком. На фоне этой энергичной деятельности французского посла, переданные царем депутатам, звучали гордо и заносчиво:

«Сын не дочь, не нужно ему приданое. Если хотите его иметь, то выбирайте и давайте ему замки вы! И я бы мог быть королем, если бы меня, отца, только захотели» [Bulanda, s. 15].

Причудливо переплеталась симпатия и ненависть к московскому кандидату и сразу после бегства Генриха Валуа из Польши, что свидетельствует о том, что царя или кого-то из его сыновей считали реальными претендентами на вакантный трон. В анонимной «Речи в междуцарствие после отъезда Генриха из Польши», в частности, сказано: «Московский — тиран, в обычаях бесстыдный, не будет также ничего делать как истинно польский государь. И взяв его, весь порядок вещей в Речи Посполитой нашей должен будет измениться, тем более он вряд ли бы смог жить в этих краях; скорее всего, осел бы в Киеве, и оттуда началась бы война против Турции, в которой наверняка и мы должны бы были участвовать. Но если нам так нужна эта война и нам нужен чужой король-военачальник, то гораздо больше пришлось бы воевать, присоединившись к Московскому, нежели присоединившись к Австрийскому, поскольку первый более могущественный и легче ему начать войну от тех земель, чем немцам созвать сейм, и держал бы он великий мировой путь от Каспийского моря до Поморской земли, как персидский, турецкий и христианский [императоры]» [Czubek, s. 643].

Памфлет «Разговор слуги и бургомистра», приписываемый Я. Соликовскому, также созданный после бегства Генриха, вкладывает в уста бургомистра такие слова: «Москвитянин делает прочную основу для того, чтобы не Москву к королевству, а королевство к царству русскому присоединить, столицу же провозгласить в Киеве, коронованным же быть не нашими епископами, а своим митрополитом» [Czubek, s. 649].

Современники событий, как с польской, так и с московской стороны, понимали, что выбор «галла», то есть французского принца, не являлся единогласным, а посему противники его всегда были готовы поставить под сомнение его легитимность. Поэт Я. Кожановский, первоначально агитировавший за Генриха и даже в декабре 1573 года написавший «Приветственную оду королю Валуа», в дальнейшем признался в «легковерности» и сожалел о своем выборе в следующих словах: «Генрих, сын прекрасной Франции... был избран среди великого несогласия и смут. Не все его желали, не все наивно развесили уши, слушая его щедрые обещания; очень многие, наоборот, придерживались того мнения, что царствование француза не будет на пользу Польше, так как ей нужно заботливое око» [Bulanda, s. 17].

Такое положение дел оставляло большие шансы русскому кандидату быть избранным королем Речи Посполитой в дальнейшем, однако ни Грозный, ни его сын Федор не были настолько заинтересованы в этой короне, чтобы предпринимать усилия для ее получения, равные усилиям «западных» кандидатов. На наш взгляд, существование польских политических памфлетов, прославляющих «Московского», без активной поддержки самого этого кандидата, свидетельствует о том, что сама по себе его кандидатура была привлекательна в польском общественном мнении, а следовательно, желанной для немалого числа промосковски настроенной шляхты.

Библиография

1. *Ерусалимский К. Ю.* Идеология истории Ивана Грозного: Взгляд из Речи Посполитой // Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории. М., 2008. С. 589–635.

2. *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в. М., 1973. 223 с.

3. *Эйльбарт Н. В.* Проекты русско-польской унии в XVI–XVII вв. // Герценовские чтения 2017. Актуальные проблемы русской истории. Сборник научных и учебно-методических трудов. СПб., 2018. С. 177–188.

4. *Bulanda J.* Jan Kochanowski w czasie elekcji Henryka Walezego. Wąbrzeźno-Pom., 1933. 19 s.

5. *Czubek J.* Pisma polityczne z czasów pierwszego bezkrólewia. Kraków, 1906. 752 s.

6. *Jeziński F.* O bezkrólewicach w Polsce y o wybieraniu królów. Warszawa, 1790. 90 s.

7. *Kasztelan P.* Polsko-moskiewskie stosunki dyplomatyczne przełomu XVI/XVII wieku. Poznań, 2014. S. 151. Электронный ресурс. Режим доступа: https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/13943/1/Pawel_Kasztelan_Polsko-moskiewskie_stosunki_dyplomatyczne.pdf (дата обращения: 21.02.2020).

8. *Kempa T.* Problem kandydatów do tronu Rzeczypospolitej w kontekście podziałów w elicie politycznej Wielkiego Księstwa Litewskiego w trzech pierwszych bezkrólewicach po śmierci Zygmunta Augusta // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-litewskim XVI–XVIII wieku: o znaczeniu idei wyboru-między prawami a obowiązkami. Katowice, 2016. С. 110–143.

9. *Nagielski M.* Rywalizacja Rzeczypospolitej z Państwem Moskiewskim o dominację w Europie Środkowo-Wschodniej w XVI–XVII w // Sensus Historiae. 2013. Vol. XI. № 2. S. 87–115.

10. *Serwański M.* Cudzoziemskie metody pozyskiwania szlachty na polu elekcyjnym w 1573 roku // Wokół wolnych elekcji w państwie polsko-